

Содержание

Пролог. Идентичность, найденная на свалке	7
Остальгия. Вместо предисловия	9
Демонтаж символики ГДР	11
Стихийный демонтаж	12
Легитимный демонтаж	15
<i>Что произошло с названиями улиц</i>	16
<i>Что произошло с памятниками</i>	18
Денежная реформа 1990 года: внезапное исчезновение товаров ГДР	23
Крах восточногерманского мира труда	30
Большие надежды	31
Усилия и разочарования	31
<i>Массовая безработица</i>	31
<i>Нестабильность мира труда</i>	32
<i>Восточные немцы и Тройханд</i>	34
Трения: западногерманские структуры и восточногерманский менталитет	36
Новые настроения	43
«Тотальная разруха!» — восточногерманское прошлое отправляется в утиль	43
Новые отношения собственности	48
Новый медийный ландшафт	50
Медийный образ восточных немцев	52
Остальгия как реакция	57
Маркетинг как барометр общественных настроений: «Восточным немцам это по сердцу!»	57
Остальгия как поп-культура: «Не всё было плохо!»	67
<i>Как возникли остальгические вечеринки</i>	67
<i>Что чувствовали посетители остальгических вечеринок</i>	71
<i>Остальгия в публичном пространстве</i>	75

<i>Остальгические телешоу</i>	80
Бурное лето остальгии	80
ТВ-шоу как политический фактор	82
Итоги «остальгической» кампании	84
<i>Бизнес на воспоминаниях</i>	86
«Черно-белая картинка не бывает хорошей» Как разные поколения восточных немцев относятся к осмыслению опыта ГДР	92
Выводы и перспективы: остальгия и память о ГДР	96
Приложения	100
Примечания	103
Об авторе	111

Пролог. Идентичность, найденная на свалке

Н а исходе лета 2003 года немецкий телеэфир заполнили ностальгические шоу, посвященные Восточной Германии. В течение нескольких недель прайм-тайм крупных телеканалов был отдан товарам, символам и историям времен ГДР. Однако «коллекция», выставленная на всеобщее обозрение, уже однажды предъявлялась общественности. Фанера гэдээровских шкафов, освещенная ярким светом софитов в 2003-м, за тринадцать лет до этого лежала размокшая в лужах под тусклым светом уличных фонарей. Это случилось через несколько месяцев после 1 июля 1990 года, когда в ГДР была введена немецкая марка (D-Mark). В том году восточные немцы произвели 1,2 тонны отходов на душу населения — в три раза больше, чем их западные соотечественники.

Федеральный архив В 145 Bild-F086568-0046, Харальд Киршнер

Лейпциг, ноябрь 1990 г.: разобранный и разрисованный граффити автомобиль Трабант

Предметы гэдээровского быта горами громоздились на помойках. И вот та самая бытовая техника — от звуковоспроизводящей до кухонной (от RTF до АКАelectric), что в 1990-м ржавела в сточных канавах и на свалках, — восторженно демонстрировалась перед камерами как «якорь идентичности». «Наш магнитофон “Штерн”!» — умилялись участники телешоу. «Грабанты» из 1990-го, чьи остовы стояли на улицах, подобно скелетам выпотрошенных зверей, в 2003-м, скрипя и лязгая, катились по сцене, как будто всегда были самыми любимыми автомобилями новых граждан объединенной Германии.

Что же случилось?

— Остальгия. Вместо предисловия

Революция 1989—1990 годов и присоединение ГДР к ФРГ дали восточным немцам новые права и свободы. Конечно, им пришлось пережить глубокие потрясения и потери. Почти для всех жителей Восточной Германии крах диктатуры СЕПГ стал освобождением, но итоги объединения они восприняли по-разному — в зависимости от возраста, квалификации и политической ориентации.

В публичной памяти этот отрезок прошлого — двадцать пять лет с момента объединения — существует прежде всего как история успеха. Однако на востоке страны в ходу и альтернативные версии. Здешние мемориальные сообщества вспоминают ГДР и объединение Германии куда менее однозначно, чем принято в немецком обществе. Такие неофициальные и не слишком публичные воспоминания зачастую именуют остальгией (*Ostalgie* — тоска по Восточной Германии). Это понятие широко известно. С ним связано множество ассоциаций. В виде заимствования оно даже успело войти в английский язык.

Неологизм «остальгия» появился благодаря двум артистам дрезденского кабаре, назвавшим так одну из своих программ. Премьера эстрадного шоу Тома Паульса и Уве Штаймле, в котором два новоиспеченных гражданина объединенной Германии комментировали актуальные события, состоялась 27 ноября 1992 года. Их последнее «остальгическое шоу» прошло 7 октября 1996 года в праздничном шатре саксонской Государственной канцелярии в День Саксонии. В ГДР этот день традиционно отмечался как День республики.

Однако известность меткое новообразование получило лишь потому, что несло в себе противоположные смыслы. Одни понимали под остальгией

реакцию на внезапное исчезновение привычной культуры повседневности, на тяготы и утраты переходного периода и, в особенности, на публичное изображение самой ГДР и жизни ее бывших граждан. В этом смысле остальгия вызывала понимание и даже симпатию. Другие использовали это слово как синоним идеализации ГДР, неприятия воссоединения и неблагодарности восточных немцев. Так или иначе, слово «остальгия» вошло в оборот, и у каждого сложилось о нем свое представление.

Остальгия оказалась довольно живучей. О том, что она сохранится до наших дней, в начале 1990-х никто и помыслить не мог. И сейчас, на двадцать пятом году существования единой Германии, возникает вопрос: можно ли считать остальгию лишь феноменом переходного периода? Сегодня она, скорее, свидетельствует о том, что в объединенной Германии восточные немцы и их потомки, приспособляясь, но вместе с тем и обособляясь, образуют отдельную восточно-германскую культуру.

Далее будут рассмотрены различные явления, связанные с этим понятием. Описание политических, экономических и социальных условий, в которых восточные немцы стали новыми гражданами Германии, позволит выделить ключевые элементы, составляющие основу восточногерманского опыта переходного периода.

Демонтаж символики ГДР

Федеральный архив Bild 183-1990-0607-020, Хартмут Райхе

Уже 7 июня 1990 года с Дома министерств была удалена эмблема ГДР

Стихийный демонтаж

На раннем этапе революции, осенью 1989 года, символы ГДР использовались для протеста против диктатуры СЕПГ. Дело не ограничилось одним только пением «*Интернационала*». Когда 2 октября 1989 года в стране общенародной собственности, Народной палаты и Национальной народной армии лейпцигские полицейские преградили путь демонстрантам, крича в мегафоны: «Говорит народная полиция...» — они услышали в ответ рев толпы: «Мы — народ!» После смены власти, когда насильственного разгона демонстраций можно было уже не опасаться, начался демонтаж государственных символов ГДР. Новое «иконоборчество» выразилось прежде всего в высмеивании самих символов и способов их пропаганды. На берлинской

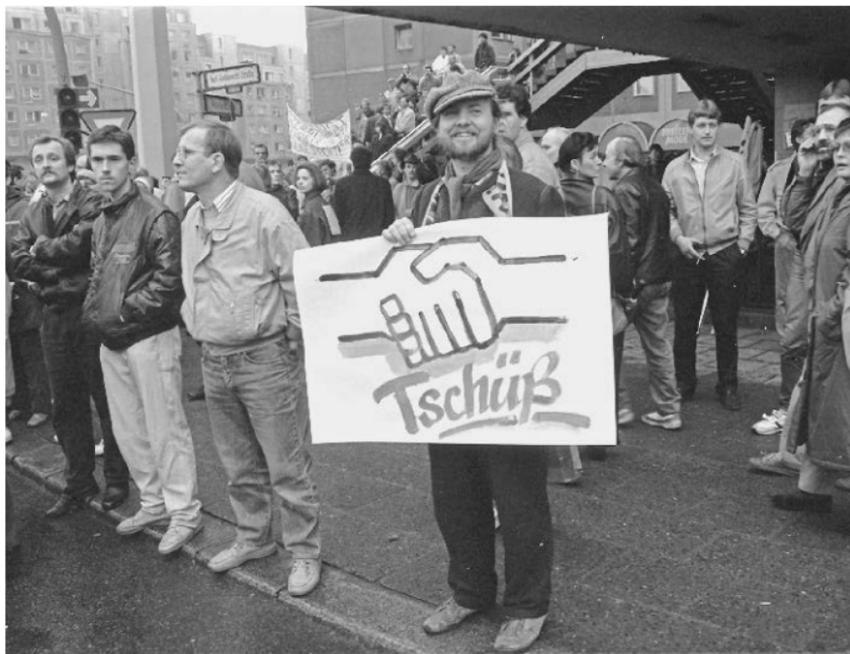

Фото Фолькера Дёринга

Плакат на демонстрации 4 ноября 1989 года. Берлин, улица Карла Либкнехта, 10

демонстрации 4 ноября 1989 года царили веселье и воодушевление победителей, не оплативших свою победу кровью и потому миролюбиво глядящих на настоящее и уверенно — в будущее.

Смеясь, они демонстрировали плакат, на котором партийная эмблема рукопожатия была переосмыслена как прощальный жест и снабжена подписью «Пока!».

Кто-то из демонстрантов установил гэдээровскую «почетную трибуну»: с этого возвышения люди, избравшие руководство ГДР, благосклонно махали идущим на место митинга, пародируя старческую дрожь в руках. И «народ», берлинцы времен мирной революции 1989 года, шествую мимо лишенной былого величия трибуны, с облегчением кивали в ответ.

После 9 ноября 1989 года, когда была открыта граница между ГДР и ФРГ, социалистические символы подверглись куда более мощным атакам.

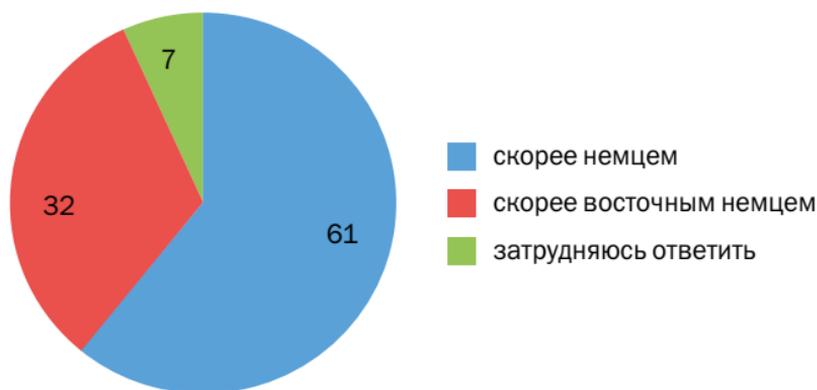
Участник демонстрации в Лейпциге снабдил портрет Эриха Хонеккера, висевший в правительственных кабинетах по всей стране, надписью: «Разыскивается». Еще одна демонстрантка держала над головой другой его портрет (в ГДР такие было принято нести во время официальных шествий), на котором Хонеккер был изображен в полосатой тюремной одежде с надписью «Заклученный 0001». Пропагандистские штампы времен ГДР активно использовались во время протестных акций и в феврале 1990 года. Например, на «досках почета» или в заводских стенгазетах под рубрикой «Наши передовики» было принято прославлять трудовые достижения граждан. На плакате одного из демонстрантов под надписью «Наши передовики» красовались Эрих Хонеккер, Вилли Штоф и Хорст Зиндерман, размалеванные под чертей.

«Народ», с которым на протяжении десятилетий говорили на языке пропаганды, отвечал бывшим лидерам государства их же перетолкованными

штампами и клише. Одновременно с переосмыслением символов ГДР начался процесс их удаления из общественного пространства. Поначалу это происходило неформально: демонстранты несли флаги ГДР с вырезанным гербом, устраивали публичное сожжение гэдээровской символики. Реформированная ГДР казалась восточным немцам все менее привлекательной. На демонстрации в Лейпциге 11 декабря 1989 года «воссоединение» пропагандировалось в качестве альтернативы «социалистической нищете».

18 марта 1990 года, на выборах в Народную палату ГДР, 48% избирателей отдали голоса партийному блоку «Альянс за Германию», который выступал за ликвидацию ГДР и зарекомендовал себя лозунгом «Свобода и процветание — впредь никакого социализма!». В социологических опросах жителей ГДР, проводившихся в марте 1990 года, на вопрос, кем они себя ощущают, люди отвечали вполне однозначно: 61% опрошенных чувствовали себя «скорее немцами», а 32% «скорее восточными немцами» или «гражданами ГДР». Остальные затруднились ответить.

Кем себя ощущали восточные немцы в марте 1990 г.
(в процентах от числа опрошенных):

Источник: Ежегодник опросов общественного мнения Allensbach

Легитимный демонтаж

23 августа 1990 года Народная палата ГДР приняла решение о «присоединении Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германии на основе статьи 23 конституции ФРГ, вступающее в силу 3 октября 1990 года». Тем самым Народная палата обозначила момент, когда с лица земли должны были исчезнуть последние следы репрезентационной среды ГДР. После стихийного демонтажа гэдээровских символов осенью и зимой 1989-го, после 1990-го, когда из публичных пространств удалялись наглядная агитация и флаги ГДР, а учреждения и предприятия отказывались от своих социалистических наименований, в ночь на 3 октября с фасадов и табличек государственных учреждений и ведомств должны были быть окончательно изъяты последние упоминания о ГДР.

Городской архив Эрфурта

Замена табличек
с названиями улиц. 1990

Что произошло с названиями улиц

Названия улиц, площадей и мостов, памятники и мемориальные таблички предъявляют традиции того или иного общества. В определенном смысле они отображают его коллективную память. Историческая наука в этом случае говорит о «каноне культурной памяти»². В демократических обществах этот канон является предметом постоянного обсуждения. В ГДР он существовал в русле социалистической, радикально-демократической и «гражданско-гуманистической» традиции. Но поскольку канон насаждался сверху, население отождествляло его содержание с диктатурой СЕПГ. Именно поэтому местные законодательные органы довольно быстро начали пересматривать и ликвидировать публичные указания на корпус традиций ГДР. Обновление репрезентационной среды «новых» федеральных земель обеспечивалось политической поддержкой большинства и регулировалось нормами правового государства. С содержательной точки зрения оно базировалось на ценностных представлениях новых политических элит Восточной Германии. Наиболее ярко этот процесс проявился в переименовании улиц или возвращении им старых названий. В первую очередь из публичного пространства были изъяты имена деятелей социалистических диктатур и западных коммунистических партий — за исключением тех, кто сам пал жертвой в борьбе с диктаторскими режимами. Так, из оборота были выведены Хо Ши Мин, Клемент Готвальд, Луис Корвалан, Морис Торез, Вальтер Ульбрихт. Однако и в 2015 году на территории некоторых общин Восточной Германии можно встретить улицы Ленина и Вильгельма Пика.

Процесс переименования улиц хорошо виден на примере Лейпцига, второго по величине города «новых» федеральных земель. С 1945 по 1989 год око-

ло 400 улиц и площадей Лейпцига были переименованы или получили новые названия в честь различных деятелей. После 1990 года эти 400 имен, в некотором смысле символизировавших ГДР, были подвергнуты ревизии, которая повлекла за собой две волны переименований — 1992 и 1999 года. Заметим, что из улиц и площадей, получивших названия при советской военной администрации и во времена ГДР, переименовано было 12%³. Еще до первой волны переименований, на внеочередном заседании городского совета Лейпцига было принято решение об изменении названия площади Карла Маркса. Эта площадь, где 9 октября 1989 года прошла массовая демонстрация, знаменовавшая начало мирной революции, через год, в день воссоединения Германии (3 октября 1990 года) обрела свое старое имя — Аугсбургская площадь.

Легитимный демонтаж гэдэровских символов в Лейпциге выявил две основные тенденции. Во-первых, в особо важных с символической точки зрения местах — в пределах Ринга, опоясывающего исторический центр города, и вокруг Федерального административного суда — были ликвидированы все указания на социалистическое прошлое. То же, за двумя исключениями, произошло и с одиннадцатью главными городскими магистральями.

Во-вторых, в других частях города была предпринята попытка соединить разные традиции. Однако, при всем стремлении соблюсти баланс, новое внедрялось за счет принятого в ГДР. Поясним это на следующем примере. Еще при ГДР, в 1986 году, одна из новых улиц на окраине города была названа в честь Йоргена Шмидтхена, унтер-офицера пограничных войск, застреленного на границе в 1962 году (убит двумя дезертирами из Национальной народной армии, учившимися в школе зенитной артиллерии в Штансдорфе. — *Прим. пер.*). В 1999 году было решено, что эта улица сохранит свое название при условии, что «улица, расположенная

рядом, будет поименована в честь одной из жертв побега»⁴. С этой целью улица Йозефа Цетлера, участника Гражданской войны в Испании, впоследствии полковника Национальной народной армии ГДР, была переименована в улицу Цилля — в память о Вольфганге Цилле, застреленном при попытке пересечения границы в 1969 году. Так что теперь улицу Йоргена Шмидтхена пересекает улица Цилля.

В обращении с символической средой ГДР существовало четкое различие между провинцией и большими городами. Мэрии крупных городов избавлялись от социалистической символики быстрее и решительнее, чем органы местного самоуправления сёл и небольших городов. Так, на протяжении первых двух десятилетий после объединения за пределами столиц можно было встретить множество памятников и произведений декоративно-прикладного искусства времен ГДР. Аналогичная ситуация наблюдалась и с переименованием улиц. Даже в наши дни, путешествуя на машине по «новым» федеральным землям, можно увидеть весь спектр социалистических названий: от улиц Единства, Товарищества, Земельной реформы, просто Дружбы и Дружбы народов до Жертв фашизма, Строителей новой жизни, Юных пионеров. А мужчины и женщины, являющиеся носителями социалистической традиции, продолжают служить в местных топонимических комиссиях. Однако количество их постепенно сокращается.

Что произошло с памятниками

По поводу социалистических памятников возникли серьезные разногласия. Например, решение о сносе 26-метрового памятника Ленину, принятое магистратом Берлина 10 сентября 1991 года, вызвало протесты защитников культурного наследия, политиков и гражданских активистов. Деятели искусства

предложили другой способ борьбы с социалистической монументальной пропагандой: вместо обычной практики бесследного исчезновения из публичного пространства примет «проблемного» прошлого — постепенное преодоление и прощание с ним с помощью художественных методов. У художника Манфреда Бутцманна возникла идея увить берлинский памятник Ленину на площади Ленина диким виноградом и плющом, чтобы он исчез в их зарослях. Бюст Эрнста Тельмана на Гайфсвальдерштрассе предлагалось окружить тополями и водяным рвом, уподобив это место «острову Руссо» в Эрменонвиле. 4 октября 1991 года на памятнике Ленину все еще красовалась лента с надписью «Нет насилию», которую два года назад, во время мирной революции, несли участники демонстрации. Однако 8 ноября — под охраной полиции — его все же начали демонтировать. За несколько дней памятник распилили на 125 частей и закопали в одном из песчаных карьеров на окраине города.

Благодаря фильму «Гуд бай, Ленин» демонтаж памятника стал для восточных немцев иконическим

Федеральный архив В 145 Bild-F089664-0025

Берлин, 4 октября 1991 г. Памятник Ленину с кушаком «Нет насилию»

образом. На экране, привязанный к вертолету, парит торс вождя, а его рука бодро указывает путь в коммунистическое будущее. Главная героиня фильма, учительница из ГДР, впавшая в кому и пропустившая момент объединения Германии, глядя на улетающего Ленина, наконец начинает понимать, что настали другие времена.

Памятник Ленину в берлинском Фридрихсхайне уже был разобран, а бюст Тельмана по-прежнему стоял на Грайфсвальдерштрассе. С него только сняли

Кадры из фильма «Гуд бай, Ленин!» Режиссер Вольфганг Бекер
© X Filme creative pool GmbH, 2003

бронзовую табличку с традиционным гэдээровским текстом, предоставив событиям идти своим чередом. А вот Кемниц сохранил монументальную 13-метровую голову Маркса в качестве городского символа, туристической достопримечательности и образца для местной сувенирной продукции. К тому же именно она вдохновила горожан на официальный девиз «Кемниц — город с головой», который просуществовал вплоть до 2007 года.

В Дрездене на центральной площади города, перед главным железнодорожным вокзалом, также стоял большой памятник Ленину. 3 сентября 1991 года депутаты городского собрания приняли решение о его сносе. Было публично объявлено о демонтаже и вывозе семиметровой гранитной скульптуры весом 120 тонн. Но 20 ноября мюнхенский художник Рудольф Херц предложил обер-бургомистру Дрездена установить на том же месте «скульптурное произведение» из частей распиленного памятника. Херц писал: «Расположение частей памятника будет напоминать музейный запасник или археологические руины — некое агрегатное состояние между сносом и реконструкцией. Проект “Хранилище Ленина” — это диссидентская критика официальных политических ритуалов осмысления прошлого после краха ГДР, непристойный памятный подарок с шершавыми политическими и эстетическими гранями, который должен быть помещен на прежнем месте — перед вокзалом». 5 марта 1992 года депутаты городского совета должны были выбрать один из вариантов — бесплатную реализацию проекта «Хранилище Ленина» и бесплатный же демонтаж и вывоз памятника. Они выбрали последнее. «Мы считаем, что, простившись с Лениным, мы устраним главный камень преткновения, и поэтому сегодня должны дать ему разрешение на выезд», — не без иронии заметил обер-бургомистр. Ленин перешел в собственность каменотеса Йозефа

Курца из баварского города Гундельфинген, который собирает и выставляет на своем участке памятники времен социализма.

Памятник Ленину из городка Эйсleben, связанный с советско-германским героическим мифом, был передан Немецкому историческому музею в Берлине.

(В 1926 году памятник был установлен перед зданием санатория ВЦСПС в городе Пушкин. В 1943 году скульптура была вывезена оккупантами из Пушкина в Германию для переплавки, но была спасена местными антифашистами и 1 мая 1948 года установлена на площади Эйсleben. — *Прим. пер.*)

В других городах памятники и памятные доски, посвященные Ленину, были либо демонтированы и перемещены на окраины или советские воинские кладбища (с соответствующими пояснительными надписями), либо остались на своих местах. Чем выше были социалистические памятники и чем ближе они находились к центру города, тем меньше была для них вероятность сохраниться.

Федеральный архив В 145-00049384, Клаус Ленарц

Кемниц, июнь 1990 г. Памятник Карлу Марксу

Денежная реформа 1990 года: внезапное исчезновение товаров ГДР

7 февраля 1990 года Федеральное правительство создало фонд «Немецкое единство» и постановило «незамедлительно начать переговоры с ГДР о валютном союзе и экономической реформе». Для того чтобы «обеспечить максимально быстрое присоединение к реальному доходу ФРГ», экономики обеих стран должны были объединиться «на основе проведения незамедлительных глубоких рыночных реформ в ГДР». До этого момента еще шли дискуссии по поводу сценариев переходного периода, инициированные западногерманскими экономистами, а также кабинетом Модрова (Ханс Модров — с ноября 1989-го по апрель 1990-го председатель Совета министров ГДР. — *Прим. пер.*) и «круглым столом» оппозиции и правительства ГДР. Предполагалось, что кульминационным пунктом⁵ трансформации экономики ГДР в социально-ориентированную рыночную экономику станет замена марки ГДР на немецкую марку (D-Mark), но это произойдет в 1993 году. Однако канцлер Гельмут Коль нанес сокрушительный удар по этим планам. Историк Андреас Реддер считает, что политическое решение Коля задало стратегическое направление и сделало необратимым процесс, с которым восточногерманская сторона уже ничего не могла поделать — во всех смыслах. «Сделав этот шаг, федеральное правительство приняло решение о прямом плавном переходе от плановой экономики к рыночной и получило непосредственный доступ к ГДР, от которой это предложение потребовало утраты суверенитета в вопросах денежно-кредитной и валютной политики. Боннская концепция единства была нацелена на воссоединение через полноценную интеграцию ГДР в западногерманскую

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru